

Сурнина Ирина Александровна

ЦЕНзуРА И "ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ" И. В. ВЕРНАДСКОГО 1857-1861 ГОДОВ

Статья посвящена взаимодействию цензуры и деловых изданий 1857-1865 годов, которое рассмотрено на примере цензурных дел, заведенных в отношении "Экономического указателя" И. В. Вернадского. Указывается, какого рода материалы находились под пристальным взглядом цензурных ведомств, какие статьи запрещались и какие взыскания применялись к цензорам, пропустившим "неудобные" статьи. Также отмечено, как обстояли дела между цензурой и другими периодическими изданиями делового характера на рубеже 50-60-х годов XIX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 244-249. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 070.1

Статья посвящена взаимодействию цензуры и деловых изданий 1857-1865 годов, которое рассмотрено на примере цензурных дел, заведенных в отношении «Экономического указателя» И. В. Вернадского. Указывается, какого рода материалы находились под пристальным взглядом цензурных ведомств, какие статьи запрещались и какие взыскания применялись к цензорам, пропустившим «неудобные» статьи. Также отмечено, как обстояли дела между цензурой и другими периодическими изданиями делового характера на рубеже 50-60-х годов XIX века.

Ключевые слова и фразы: И. В. Вернадский; цензура; цензор; выговор; журнал; «Экономический указатель».

Сурнина Ирина Александровна, к. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
isurnina1983@mail.ru*

ЦЕНзуРА И «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ» И. В. ВЕРНАДСКОГО 1857-1861 ГОДОВ

Вторая половина 1850 гг. – период, когда во внутренней жизни России происходили коренные изменения. Перемены были вызваны последствиями поражения в Крымской войне, с которыми пришлось столкнуться императору Александру II. Усвоив уроки войны, он осознал необходимость проведения реформ в стране. Коснулось это и печати. Уже в 1855 г. закрыли Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений (Бутурлинский комитет), что вызвало значительный рост периодических изданий. И. С. Тургенев в письме к С. Т. Аксакову так охарактеризовал конец 1855 г.: «... время, в которое мы живем, принадлежит к числу тех, которые повторяются слишком редко» [3, с. 593-598].

Несмотря на некоторые послабления со стороны правительства, об окончательной отмене цензуры речи не шло. Государственным контролем над содержанием и распространением информации (книг, периодических изданий, различных музыкальных и сценических произведений и т.п.) в конце 1850-х – начале 1860-х годов занималось Министерство народного просвещения, с 1863 года – Министерство внутренних дел. Основным документом, регламентирующим цензуру в 1857-1865 годах, являлся Свод уставов о цензуре, представляющий собой «чугунный» «Цензурный устав 1828 года с дополнениями по 1857 год и 4-го к нему продолжения» [6, с. 148-158]. Историк А. М. Скабичевский в конце XIX столетия справедливо отмечал, что «никогда ни до, ни после того печать не была так либеральна и смела, никогда ей так много не допускалось, никогда не имела она такого решающего, почти господствующего голоса в русской жизни» [1]. При этом общая цензура все же сохранялась: «п. 42. Сочинения по части законодательства теоретического или практического содержания, или заключающие в себе собственные рассуждения самих авторов, рассматриваются в общей цензуре» и «п. 52. Статьи, назначаемые для какого бы то ни было периодического издания, подвергаются во всяком случае цензуре общей независимо от рассмотрения особыми ведомствами и к коим они относятся по своему специальному содержанию» [6, с. 324, 327]. Через предварительную цензуру проходили абсолютно все материалы, предполагаемые к печати, включая и статьи экономического содержания.

В Российском государственном архиве в фонде 772 Главного управления цензуры Министерства народного просвещения хранится около сотни дел в отношении деловых газет и журналов периода 1857-1865 годов. Сведения по количеству дел на то или иное издание приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Количество дел, заведенных в отношении экономических газет и журналов Главным управлением цензуры

№	Название изданий, вышедших в 1857-1865 годах	Количество дел (РГИА, ф. 772)
1.	Журнал для акционеров (1857-1860)	6
2.	Экономический указатель (1857-1861)	43
3.	Посредник промышленности и торговли (1857-1863)	4
4.	Промышленный листок (1858-1859)	3
5.	Экономист (1858-1865)	2
6.	Вестник промышленности (1858-1861)	20
7.	Производитель и промышленник (1859-1861)	2
8.	Акционер (1860-1863)	5
9.	Биржевые ведомости (1861-1879)	4
10.	Народное богатство (1862-1865)	–
11.	Промышленная газета (1865-1867)	–

Пожалуй, самым многострадальным изданием стал журнал И. В. Вернадского, именно он получил наибольшее количество замечаний. Остановимся подробнее на этом.

Одно из первых дел, заведенных в отношении «Экономического указателя», датируется 10 января 1857 года, то есть буквально через неделю после начала выхода журнала (первый номер появился 5 января 1857 года. – И. С.). Рассматривалась «Заметка о чайной торговле» А. Немчинова [4, ч. 1, д. 4034, л. 1 – 4 об.]. В отношении данной статьи Санкт-Петербургский цензурный комитет посредством Министерства народного

просвещения отправил запрос о позволении ее к печати в Министерство финансов, на что то ответило за претом к печатанию. Почему Минфин принял такое решение, в переписке ведомств не пояснялось.

То же случилось и со статьей, в которой говорилось об акцизе, взимаемом с винокурения в Малороссии. По мнению Департамента разных податей и сборов, в ней порицались правительственные распоряжения, основываясь «на неверных данных», что вело «к ослаблению доверия к правительству» [Там же, д. 4114, л. 3]. Именно в это время образовалось первое трезвенное движение в России. Вызвано оно было повышением косвенного налога на водку и уничтожением откупной системы. Поэтому неудивительно, что периодические издания стремились обсуждать данную тему.

Под пристальным вниманием находились и статьи, в центре которых находилась служба чиновников различных учреждений. Так, запрещена была статья «О положении губернского чиновника и о необходимых в нем улучшениях» (1859), где утверждалось, что «правительство само вынуждает чиновника быть или сделаться бесчестным и начальнику остается, зная, что это зло неизбежно, смотреть только на то, чтобы подарки не имели влияния на правду в деле» [Там же, д. 4820, л. 1 об.]. Также в ней автор проектировал новые оплаты жалования, увеличивая их каждому служащему за пятилетие и изменяя по своему соображению и пенсии. Хотя автор в заключение присовокуплял: все здесь сказанное не имеет целью указания, «это есть только скромное выражение мыслей и чувств, вынужденных видом страдальческого положения бедных губернских чиновников», но г-осподин> цензор Новосильский «не нашел возможным дозволить эту статью к печатанию» [Там же, л. 2].

История цензуры знает много случаев, когда по неосмотрительности цензоров нежелательные материалы все же появлялись в печати. Есть подобные примеры в истории издания «Экономического указателя». Так произошло со статьей «Бюджеты петербургских чиновников», опубликованной в № 11 журнала за 1857 год. Статья вызвала крайнее недовольство чиновников Министерства народного просвещения, которые в апреле того же года завели дело. Первое, на что обращалось внимание, это то, что статья выходила за рамки программы журнала, выражения в ней были «слишком сильны и неприятны, хотя сильно преувеличены» и не должны «дозволяться к печати» [4, ч. 1, д. 4107, л. 1-3]. Действительно, статья весьма остра по своему содержанию: чего только стоит фраза из уст одного из героев, чиновника, не получившего никакого университетского образования: «Черт знает, что это у нас министр куролесит мальчишку в вице-директоры посадить! Экая важность, что статский советник!.. Ведь был же у нас вице-директором Коровин? И грамотой-то похвастаться ему грешно было! Уже чисто дураком слыл» [9, с. 264-267]. Данное высказывание не понравилось больше всего заместителю министра народного просвещения П. А. Вяземскому. Цензору В. Н. Бекетову пропуск в печать статьи был «поставлен на вид» [4, ч. 1, д. 4107, л. 5].

Материал Е. Ламанского «Китайские ассигнации», помещенный в № 4 журнала за 1857 год, вызвал недовольство самого императора. Об этом незамедлительно сообщили в Министерство народного просвещения [Там же, д. 4109, л. 1-6], которое, в свою очередь, распорядилось подобные статьи «не допускать к печатанию» [Там же, д. 4109, л. 6]. Информацию разослали по всем учебным округам, дабы впредь материалы такого содержания в печать не пропускались.

Статья «Взятодатели» автора А. С., напечатанная в № 44 за 1857 год, по содержанию признана Министерством финансов «крайне неприличной» [Там же, д. 4267, л. 1]. Такую же оценку получили и два материала из № 47 «Монетный кризис» и «Можно ли посчитать кредитные знаки капиталами и умножает ли кредит капиталы?». Разобраться в деле, каким образом они получили разрешение к опубликованию, поручили С. Н. Палаузову. Внимательно прочитав обе статьи, цензор отметил, что «Монетный двор» «обращает исключительное внимание на современный кризис американских банков, отзывающийся и в банках английских и французских, которые вынуждены оградить себя высоким эсконтом» [Там же, л. 7 об.], при этом в ней нет «никаких указаний, или же каких-либо применений к нашим кредитным учреждениям» [Там же, л. 7 об.]. В заключение Палаузов написал, что статья «не может и едва ли должна быть подвергнута цензурному приговору, так как подобные предостережения входят уже в теоретическую область самой науки и финансов» [Там же, л. 36 об.].

Что касается сочинения «Можно ли посчитать кредитные знаки капиталами и умножает ли кредит капиталы?», вывод Палаузова был следующим: неизвестному автору статьи можно было бы сделать только одно замечание о кредите и кредитных банках, оно касается гласности «той теоретически верной истины, им высказываемой, что кредитные знаки, хотя и употребляются как деньги, не значит однако ж, что они суть деньги; но что они могут быть употреблены как деньги, поскольку содержат в себе указание на наличную монету или на другие ценности» [Там же, л. 47]. Цензор сомневался в безопасности данного решения и высказывал предположение, что «обнародование этих замечаний <может> повредить доверию к кредитным знакам» [Там же, л. 47 об.]. Однако, учитывая, что статья принадлежала к политической экономии, он указал на ее научный характер и собственно на невозможность принести какой-либо вред.

Руководство Санкт-Петербургского цензурного комитета также дало объяснения по публикациям. Его председатель Н. В. Медем пояснил, что данные статьи находились под его личной ответственностью, и поскольку обе статьи рассматривали научные политико-экономические вопросы, а не правительственные меры, и данные вопросы предлагалось решать не в отношении к России или другого государства, «но в применении ко всем странам мира, хотя в первой статье случайно и мимоходом упоминается о России, но это упоминание касается меры, принятой уже нашим финансовым управлением, как это и было помещено не раз в биржевых известиях наших журналов» [Там же, л. 41 об.], поэтому он счел возможным допустить их к печати. К тому же, продолжал он, «Экономический указатель» являлся учено-специальным изданием, т.е. был нацелен на читателя подготовленного, поэтому выводы, сделанные в статьях, не могли быть для него чем-то новым, ведь он имел возможность

в силу своих интересов «ознакомиться с ними из других источников». Что касается других читателей, статьи подобного рода не могли быть им понятны и иметь на них какое-либо влияние, «но даже должны представлять-ся им скучными и оставаться без внимания» [Там же, л. 42 об.], – заключил председатель.

В ответе Санкт-Петербургского цензурного комитета чувствовалась резкость, говорилось, что если Министерство финансов не признавало достойным уважения оценку комитетом научных статей, то цензурный комитет находится в крайнем затруднении. Получается, что цензурный комитет должен в отношении специальных (в том числе и научных) статей обращаться к специальным цензорам. Как же в таком случае быть с «Экономическим указателем», материалы которого, имея чисто научный характер, должны будут подвергаться рассмотрению Министерства финансов? Такой чрезмерный контроль со стороны Министерства финансов, по мнению председателя, превращал «Экономический указатель» из частного издания в официальный орган, ведь получалось, что Минфин занялся бы полным контролем журнала.

Что касалось «Взятокдателей», дело вновь дошло до императора, который потребовал объяснения, почему статья, описывающая «яркими красками подкупы чиновников содержателями винных откупов» [Там же, д. 4267, л. 1], разрешена к печати. Разбирательство длилось около месяца, допрашивался цензор, в итоге в очередной раз неосторожность Вернадского в выборе статей о действиях правительственных чиновников чуть было не закончилась печально.

Пожалуй, самый большой скандал случился по поводу публикации на страницах «Экономического указателя» известия о подписке на постанковку памятника генерал-адъютанту графу П. А. Клейнмихелю. Оно впоследствии было перепечатано некоторыми другими периодическими изданиями, в том числе и «Санкт-Петербургскими ведомостями» [Там же, д. 4887, л. 3]. Абсурд заключался в том, что граф еще находился в живых (П. А. Клейнмихель скончался в 1869 году. – *И. С.*), а потому воздвигнуть ему памятник невозможно без Высочайшего на то разрешения. Известие это истолковали как злую насмешку над министром, имевшим в обществе очень скверную репутацию.

Цензор П. П. Дубровский, которому поручили рассмотрение «Экономического указателя», объяснил следующее. Когда ему представили номер журнала с данной заметкой и он должен был подписать билет на выпуск из типографии, то при сравнении номера с уже одобренными корректурными листами он заметил, что в них напечатано следующее известие: «Мы слышали о подписке, предполагаемой на постанковку памятника генерал-адъютанту графу Клейнмихелю» [Там же, д. 4887, л. 5]. Однако известие, не одобренное им, все-таки появилось в «Экономическом указателе» в отделе «Вести и слухи» после предварительного рассмотрения специального чиновника Главного управления путей сообщения и публичных зданий, действительного статского советника Боричевского. Он сделал на корректурных листах следующее замечание: «Подлежит общей цензуре». Впоследствии, по свидетельству цензора, корректурный лист «Вестей и слухов», подписанный Боричевским, редакция «Указателя» ему не предоставила, как следовало, для окончательного утверждения. И заметка была напечатана без его подписи.

Тем не менее данный номер «Экономического указателя» все же Дубровский остановил и приказал перепечатать страницу с известием о памятнике графу Клейнмихелю. Типография выполнила это требование и представила цензору журнал с исключением не одобренного им места. Только тогда Дубровский подписал билет на выпуск журнала. Кроме того, на экземпляре того номера цензором собственноручно сделана приписка о том, что не одобренное им известие исключено.

После рапорта цензора Дубровского от редакции «Экономического указателя» также потребовали объяснение. В нем редакция подтверждала все факты, представленные со стороны цензора, и объясняла, что корректурный лист «Вестей и слухов», полученный редакцией за подписями цензора Дубровского и действительного статского советника Боричевского, отпечатан был после получения их разрешений, но из-за путаницы корректурных листов и «торопливости» вовремя выпустить журнал, из-за запаквки произошла случайная замена отпечатанных номеров журнала.

Главное управление цензуры постановило, что Вернадский, не представив цензору Дубровскому корректурного листа, подписанного чиновником со стороны Главного управления путей сообщения и публичных зданий г<осподином> Боричевским, тем самым нарушил ст. 54-ю цензурного Устава, «в коей значится, что статьи повременных изданий “подвергаются цензуре общей независимо от предварительного рассмотрения особыми ведомствами”», а также нарушил статьи 68 и 69 Устава, не потребовав из типографии ранее отпечатанный номер без подписи цензора для уничтожения.

В итоге Вернадскому сделано надлежащее внушение «о неправильности его поступка», а также предложено «всем редакторам ученых и литературных журналов и газет» строго соблюдать существующие правила относительно предварительного цензурного рассмотрения и выпуска из типографии номеров их изданий для устранения на будущее время упущений, подобных настоящему [Там же, л. 17 об.].

Очередной раз Министерство финансов негодовало в связи с выходом в журнале статьи «Политико-экономический комитет, собрание 17 декабря 1860 года». Причем опубликована она была не только в журнале Вернадского, но и в журнале «Век» и в газете «Биржевые ведомости». Министр финансов А. М. Княжевич находился в недоумении, «с чьего разрешения статья напечатана» [Там же, д. 5547, л. 1]. Он лично спросил Вернадского, и тот ответил, что статья пропущена цензором Н. Е. Лебедевым как дословная перепечатка из № 1 еженедельного издания «Век». Но он лукавил. Министр не согласился с обстоятельствами дела и потребовал разъяснения, так как:

1) неправдоподобно, чтобы цензор в одно и то же время на одной корректуре сделал надпись о препровождении на рассмотрение в Министерство финансов, а на другой – разрешил печатание;

2) статья не может быть перепечатана из газеты «Век», во-первых, потому что эта газета вышла утром 4-го числа и в то же время ему была прислана корректура «Экономического указателя» с надписью цензора; следовательно, не было возможности набрать статью с газеты, послать к цензору и доставить министру; во-вторых, потому что в газете «Век» напечатано: «В заключение комитет положил продолжить публикацию о своих занятиях в “Экономическом указателе”, и также в новом журнале “Век”». Из этого ясно, что «Экономический указатель» получает статьи непосредственно от комитета.

Завели дело и потребовали объяснений от цензоров В. Н. Бекетова, Н. Е. Лебедева и Ф. Ф. Веселова, которые отвечали соответственно за «Век», «Экономический указатель» и «Биржевые ведомости».

Бекетов, отвечающий за контроль «Века», объяснял, что статья, помещенная в № 1 журнала, посылаясь им на предварительное одобрение чиновника Министерства финансов Н. Н. Юханцева, так как он был назначен Русским Императорским географическим обществом. Юханцев заключил: «Указанную статью напечатать». После этого Бекетов снял с себя ответственность за публикацию статьи, так как:

1) «Императорское русское географическое общество есть как бы присутственное <учреждение>, освященное законом»;

2) «в прописанном заседании 17 декабря, коим решено напечатать его результаты, между прочим, заседали государственные и финансовые люди: генерал-адъютант Литке, барон Мейендорф, Гагенмейстер и другие. Что и напечатано в статье»;

3) «предшествовавшее мнение заседания <данного> Комитета (г. Н. С. Лескова) было напечатано в “Экономическом указателе” и не навлекло от правительства никаких пререканий – тогда как содержание его имеет одинаковые тенденции с заседанием 17 декабря»;

4) оригинал статьи, одобренной им к печати 17 декабря, был скреплен секретарем политико-экономического комитета В. П. Безобразовым, с именем которого она и напечатана;

5) наше Министерство финансов неоднократно приглашало литературу к обсуждению откровенно финансовых вопросов [Там же, л. 15 – 75 об.].

Лебедев, цензор «Экономического указателя», Главному управлению цензуры пояснил следующее: корректурный лист статьи «Политико-экономический комитет. Собрание 17 декабря 1860 года», напечатанной на странице 25 журнала в № 2 за текущий год, был им перенаправлен на рассмотрение Юханцева, и пятого января из редакции журнала ему был прислан его отпечатанный выпуск, для получения выпускающего типографии билета, причем прислан был вместе с № 1 журнала «Век» «в удостоверение того, что вышеназначенная статья уже напечатана и для “Экономического указателя” составляет перепечатку». Сверив общую в обоих изданиях статью, цензор нашел ее одинаковой, за исключением немногих ненапечатанных выражений, и потому подписал билет на выпуск из типографии этого «Экономического указателя» [Там же, л. 16]. То есть сомнений в правоте своих действий Лебедев не испытывал.

Веселов, цензор «Биржевых ведомостей», разрешение к публикации горе-статьи пояснил следующим: «...статья “Заседание Политико-экономического комитета” одобрена мною к печати в “Биржевых ведомостях” на том основании, что она уже была напечатана в журнале “Век” и “Экономическом указателе”» [Там же, л. 17]. После напечатания в двух изданиях Веселов посчитал, что оснований для запрета статьи не видит.

Главное управление цензуры пришло к выводу, что цензор Бекетов превысил свои полномочия и «не посылал статьи на предварительное рассмотрение к доверенному чиновнику от Министерства финансов... потому, что он получил статью при официальном отношении Императорского Русского географического общества, которое считал присутственным местом» [Там же, л. 19]. Ему был сделан выговор.

Не обошлось без выговора и цензору Лебедеву, причем строгого. Правда, случилось это позднее за разрешение к печати № 211 «Экономического указателя» за 1861 год. В одном из материалов данного номера выражалась надежда, «что крестьянский вопрос уничтожит в некоторых хотя постепенно вековое тунеядство, которое до сих пор выставляло свои исключительные преимущественные права и не всегда помышляло об исполнении обязанностей в отношении меньшей братии, вмещающей в себе все элементы, достойные человека» [Там же, д. 5573, л. 6].

То есть даже опубликованные, одобренные к печати статьи продолжали находиться под пристальным вниманием цензуры. Дело в том, что при Министерстве народного просвещения служили чиновники особых поручений, как правило, это были те же самые цензоры, они и выполняли обзоры уже вышедших газет и журналов с целью наиболее внимательного контроля: не пропущены ли статьи, в которых употреблены какие-либо «вольные выражения» [Там же, д. 4200, л. 1 об.]. Так, в одном из рапортов С. Н. Палаузова указывалось, что в «Экономическом указателе» напечатана статья «Участь лошадей и состояние дорог в России», в которой автор допустил нелестные высказывания в адрес высшей власти.

Особо отметим, что статьи, в которых порицалось русское купечество, запрету не подвергались. Так, в Санкт-Петербургский цензурный комитет поступило «Письмо в редакцию» (г. Языкова), в котором говорилось «о недобросовестности русского купеческого сословия, о злоупотреблениях его по торговле, а также о том, что купеческие думы нисколько не заботятся о прекращении этих злоупотреблений» [Там же, д. 4329, л. 1]. Комитет обратился в Министерство внутренних дел за консультацией: возможно ли статью подобного рода опубликовать. Весьма примечательно, что оно оснований для запрета не нашло.

Иногда весьма острые материалы, представленные для рассмотрения цензуры, все же к печати дозволялись, но за исключением отмеченных мест. Так, например, стало с «Запиской г. Гартмана» об учреждении французско-русского торгового общества [Там же, д. 4331, л. 1]. В ней шла речь о вреде, наносимом русской

национальной промышленности англичанами, завладевшими внешнею торговлею России. Чтобы остановить усиливающееся зло и избавить русских производителей от этого (беззаконного) владычества англичан, предлагалось учредить французско-русское торговое общество на акциях. В записке изложены как проект, так и главные основания общества.

Статья была разрешена, за исключением намеков «на счет Англии и Северо-Американских Штатов», кроме того, автору рекомендовалось лишь «ограничиться изложением тех выгод, которые может доставить России учреждение Русско-французского торгового товарищества» [Там же, л. 4 об.].

А. В. Никитенко в дневнике записал 25 февраля 1861 года: «Вернадский, по словам члена, барона Бюлера (Ф. А. Бюлер с ноября 1856 года член Главного управления цензуры. – И. С.), неистовствуя в своем “Экономическом указателе” против правил цензуры, дошел, наконец, до того, что начал ясно говорить о необходимости конституции в России. Решено: призвать его в следующее заседание Главного управления цензуры и объявить, что так как он уже неоднократно доказал, что не заслуживает доверия правительства, то ему при первой выходке запрещено будет издавать журнал. Некоторые из членов требовали немедленного запрещения, но я уговорил Тимашева (в 1856-1861 годах начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением. – И. С.), сидевшего возле меня, удовольствоваться на этот раз выговором. С нами согласились и другие» [2, с. 243-244]. Вернадский явился в Главное управление цензуры, и 11 марта Никитенко отметил в дневнике, что после угроз закрыть журнал, «если он не будет осторожнее», Вернадский был «смущен и оправдывался довольно неловко» [Там же, с. 245].

Но не только Вернадский «страдал» от тягот цензуры. В редакцию «Вестника промышленности» Ф. В. Чижова на рубеже 1850-1860-х годов поступило несколько писем из Московского цензурного комитета. Недовольство его было вызвано статьями, темами которых стали злоупотребление помещичьей властью, могущее возбудить крестьян против помещиков; внутренняя торговля в России; будущие реформы (например, финансовые и политико-экономические изменения, необходимые России); а статья Д. И. Завалишина, посвященная разоблачению деятельности администрации Восточной Сибири и Амурского края, злоупотреблению должностных лиц, положению переселенцев, росту революционных настроений в России, и вовсе была запрещена цензурой [8, с. 102-146].

Хоть и в меньшей степени, но с различными запретами и «мытарствами» по цензурным ведомствам пришлось столкнуться и К. В. Трубникову, правда, дела заводились по поводу «Биржевых ведомостей». Об этом своевременно и подробно было написано исследователем К. В. Силантьевым [7]. В отношении же «Журнала для акционеров», выходявшего ранее (с 1857 по 1861 г.), каких-либо цензурных замечаний нами не обнаружено. И это не удивительно: газета выпускалась при поддержке Министерства финансов.

Другие частные деловые издания, выходявшие в период 1857-1865 годов, в отличие от «Экономического указателя», «Вестника промышленности» и «Биржевых ведомостей», менее подвергались различным взысканиям цензурных ведомств. В основном ограничивались рассмотрением тех или иных статей, которые в итоге разрешались к печати: например, в случае с «Промышленным листком» Киттары (дело о разрешении статей «Письмо с Урала» и «Замечания о существенных интересах русских земледельцев-помещиков и крестьян» для газеты «Промышленный листок» с исключениями, произведенными представителем Министерства финансов [4, ч. 1, д. 4468]). Что касается «Посредника», «Производителя и промышленника», «Экономиста» и др., никаких серьезных нарушений, повлекших за собой внимание и разбирательство Главного управления цензуры, мы не нашли.

Цензурные ведомства были весьма внимательны к информации экономического характера, и даже после печати статьи из деловых журналов контролировались и находились под особым контролем цензоров, которые в случае пропуска «опасных» материалов подвергались жестким санкциям: им делали выговоры, их заменяли и увольняли.

Бдительность цензуры в отношении деловых газет и журналов свидетельствует о том, что их редакторы стояли на передовой в обсуждении актуальных вопросов современности и всячески пытались привлечь читательскую аудиторию к решению проблем внутри страны.

Список источников

1. **Жирков Г. В.** История цензуры [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text9/37.htm#z_10 (дата обращения: 12.08.2017).
2. **Никитенко А. В.** Записки и дневник: в 3-х т. М.: Захаров, 2005. Т. 2. 608 с.
3. **Пирожкова Т. Ф.** К. С. Аксаков и Н. П. Гиляров-Платонов в сентябре 1854 г. // Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования, материалы, библиография, рецензии / ред. А. П. Дмитриев. СПб.: Росток, 2013. С. 593-598.
4. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 772. Оп. 1.
5. **Русская журналистика в документах: история надзора** / сост. О. Д. Минаева; под ред. Б. И. Есина, Я. Н. Засурского; авт. вступ. ст. Я. Н. Засурский. М.: Аспект-Пресс, 2003. 399 с.
6. **Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год.** СПб.: Типография Морского министерства, 1862. 482 с.
7. **Силантьев К. В.** Цензурная история «Биржевых ведомостей» К. В. Трубникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. Вып. 1. С. 265-273.
8. **Сурнина И. А.** «Аскетическое служение промышленному миру...» (Ф. В. Чижов – редактор «Вестника промышленности» и «Акционера»). М.: Издательство факультета журналистики МГУ, 2011. 456 с.
9. **Экономический указатель.** 1857. № 11.

**CENSORSHIP AND I. V. VERNADSKY'S "ECONOMICHESKIY UKAZATEL"
("ECONOMIC GUIDE") OF 1857-1861**

Surnina Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
isurnina1983@mail.ru

The article analyzes the interaction of censorship and business editions of 1857-1865 which is considered by the example of censorial cases initiated against I. V. Vernadsky's "Economicheskii Ukazatel" ("Economic Guide"). The author describes what kind of materials were under close attention of censorial departments, what articles were forbidden and what penalties were applied to censors who approved "undesirable" articles. The paper also discovers the relations between censorship and other business periodicals of the turn of the 1850-1860s.

Key words and phrases: I. V. Vernadsky; censorship; censor; reprimand; journal; "Economicheskii Ukazatel" ("Economic Guide").

УДК 82/821.35.0

Одной из основных задач авторов статьи явилась необходимость обозначить наиболее важные особенности феномена адыгской русскоязычной литературы на примере анализа повести «Лунные мальчики» современного кабардинского писателя А. Макоева. В работе представлены жанровые особенности и особенности авторского идиостиля писателя, для которого нравственный кризис, во многом обусловленный «лихими 90-ми», явился главной тематической проблематикой произведения. Подобное исследование кажется особенно актуальным в настоящее время, так как русскоязычная литература народов Северного Кавказа – одно из наиболее динамично развивающихся и наименее разработанных направлений в литературоведении.

Ключевые слова и фразы: повесть А. Макоева; русскоязычная литература; глобализация; мифо-фольклорное влияние; мир детства; архетип; дегуманизация.

Хакуашева Мадина Андреевна, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик
dinaarma@mail.ru

Борова Асият Руслановна, д. филол. н., доцент
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик
assbora@mail.ru

**ПРИЗНАКИ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. МАКОЕВА
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОВЕСТИ «ЛУННЫЕ МАЛЬЧИКИ»)**

Русскоязычную литературу Северного Кавказа можно отнести к одному из наиболее динамичных направлений, которое во многом отражает ситуацию по Российской Федерации.

Современная северокавказская литература широко представлена творчеством Л. Куни, К. Ибрагимова, Г. Садулаева, Р. Дидиговой, Р. Цурова, М. Льяновой, Я. Патиева, Э. Гуртуева, Б. Чипчикова, Т. Толгурова, М. Муслимовой (М. Шейховой), Г. Галбацева, А. Кардаш, Х. Магомедова, А. Черчесова, Т. Кибирова, Д. Бугулова и многих других. Эти писатели продолжают развивать национальные традиции литературного художественного мастерства, заложенные предшественниками, формируя новый образ русскоязычной национальной литературы, внося неповторимое своеобразие в современную языковую картину мира.

Среди факторов, влияющих на поэтику всех жанров адыгской (черкесской) литературы, самым существенным и устойчивым в процессе эволюции являлся фольклор. «Важнейшими константами долгие годы оставались мифо-эпическая основа и художественный этнографизм. Региональный аспект, местный колорит были чертами преобладающими, доминантными, определяющими специфику национальных литератур республики, их отличие от литературы метрополии» [1, с. 5]. Но в постсоветский период литературный процесс адыгской литературы перестал быть явлением сугубо локальным – глобализация обусловила его интеграцию с мировым литературным процессом на глубоком сложном уровне. В 1990-2000-е годы на этой волне новый импульс к развитию получила русскоязычная проза, определившая качественно новый уровень литературного процесса северокавказских республик: Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии. Современная русскоязычная адыгская литература сложилась на данном этапе как значительный эстетический феномен.

Творчество кабардинского русскоязычного писателя А. Макоева репрезентативно с точки зрения общих характеристик современной русскоязычной адыгской прозы. Его первый рассказ «Живая картина» был опубликован в 1988 году. К настоящему времени им написано более 30 произведений, преимущественно